

Е. О. Кудина

«ЧЕЛОВЕК С ТРЕМЯ МАЛЕНЬКИМИ „НО“»:
ТЕАТРАЛЬНЫЙ КРИТИК Ю. Д. БЕЛЯЕВ
В ОТКЛИКАХ СОВРЕМЕННОКОВ

Резюме

В статье предпринята попытка представить через призму мнений и оценок современников фигуру литератора Юрия Дмитриевича Беляева (1876–1917). Его драматургическое и критическое наследие так или иначе становилось предметом исследований филологов и историков театра. Однако не производился подробный обзор откликов тех, кто был знаком с Беляевым, читал его статьи в газете «Новое время», смотрел спектакли, поставленные по его пьесам. В числе оставивших отзывы о драматурге можно встретить имена как совершенно забытых публицистов, так и известных деятелей литературы и театра: писателей, издателей, режиссеров, актеров. Анализ многочисленных оценок позволяет сделать вывод, что не только творчество, но и личность Беляева заслуживает внимания. Источниками отзывов о популярном журналисте и беллетристе Серебряного века стали преимущественно мемуары, дневники, письма и некрологи современников. Из этих откликов, зачастую крайне противоречивых, создается портрет одного из самых влиятельных театральных критиков дореволюционной России.

Ключевые слова: Ю. Д. Беляев, газета «Новое время», театр, критика, драматургия, Серебряный век

Ekaterina O. Kudina

“A MAN WITH THREE LITTLE ‘BUTS’”:
THE THEATER CRITIC YURII BELIAEV
IN THE WRITINGS OF HIS CONTEMPORARIES

Abstract

The literary and critical works of Yurii Dmitrievich Beliaev (1876–1917), the popular writer and influential theater critic of the Russian Silver Age, have already been studied by philologists

© Е. О. Кудина, 2024

and theater experts to some extent. The numerous assessments of Beliaev that were left by the people who knew him, who read his articles in the newspaper *Novoe Vremia*, and who saw performances of his plays, however, still await a detailed overview. Among these people, we can find famous writers, editors, directors, and actors, along with now forgotten journalists. The analysis of their opinions, which often are extremely contradictory, leads to the conclusion that not only the playwright's work, but also his personality deserves attention.

Keywords: Yurii Dmitrievich Beliaev, newspaper *Novoe Vremia*, theater, critique, drama, Russian Silver Age

DOI 10.31860/2712-7591-2024-4-78-95

«Человек с тремя маленькими „но“: сотрудник „Нового времени“, но талантлив, не имеет лысины, но блестящ, театральный критик, но добродушен», — гласила подпись к карикатуре, опубликованной в журнале «Сатирикон» в 1911 г. [Сатирикон, с. 5] (*цв. вкл., ил. 3*). Шарж был сделан рукой художника Ре-Ми (Н. В. Ремизова) и изображал Юрия Дмитриевича Беляева (1876—1917). Сегодня его имя знакомо преимущественно историкам сценического искусства и исследователям русской литературы Серебряного века. Однако в начале XX в. Беляев входил в число самых известных театральных журналистов, а впоследствии снискал большую популярность как драматург и беллетрист.

Репутация Беляева в артистических и издательских кругах была двойственной. Он считался влиятельным критиком, его мнение было важно для режиссеров и актеров. Как известно, рецензия могла не только помочь в становлении карьеры, но и разрушить ее. При этом статус последователя А. С. Суворина и сотрудника консервативной газеты вызывали неприятие у определенной части образованного общества, что не могло не отразиться на суждениях о литераторе. Его яркая и противоречивая личность отразилась в них, словно во множестве зеркал.

В статье не ставится задача охарактеризовать театральное-критическое и литературное творчество Беляева. Предпринимается попытка показать, как его деятельность воспринимали и близкие друзья, и те, кто был связан с ним профессиональными отношениями, и те, чье знакомство с критиком было мимолетным. Нередко отклики современников сливались в унисон, но иногда они словно вступали в незримый спор друг с другом.

Отзывы могли быть напечатаны как при жизни Беляева — обычно это отклики в прессе на его произведения, так и после его смерти — чаще всего это мемуары деятелей литературы и искусства. Большое количество оценок жизни и творчества Беляева появилось, как это часто бывает, в некрологах. Беляев умер в январе 1917 г. в возрасте сорока лет от скоропостижной

болезни, ставшей следствием несчастного случая. Сотрудники «новременской редакционной семьи» [Глинский, с. 474] горячо оплакивали ушедшего коллегу и в своих скорбных заметках чуть ли не соревновались в славословии. Многие журналисты газет «Новое время» и «Вечернее время» были приятелями Беляева, поэтому писали о нем только в положительном ключе. При этом, несмотря на некоторую избыточность дифирамбов, их воспоминания представляют интерес как источник нигде более не зафиксированных биографических деталей, различных эпизодов из жизни критика.

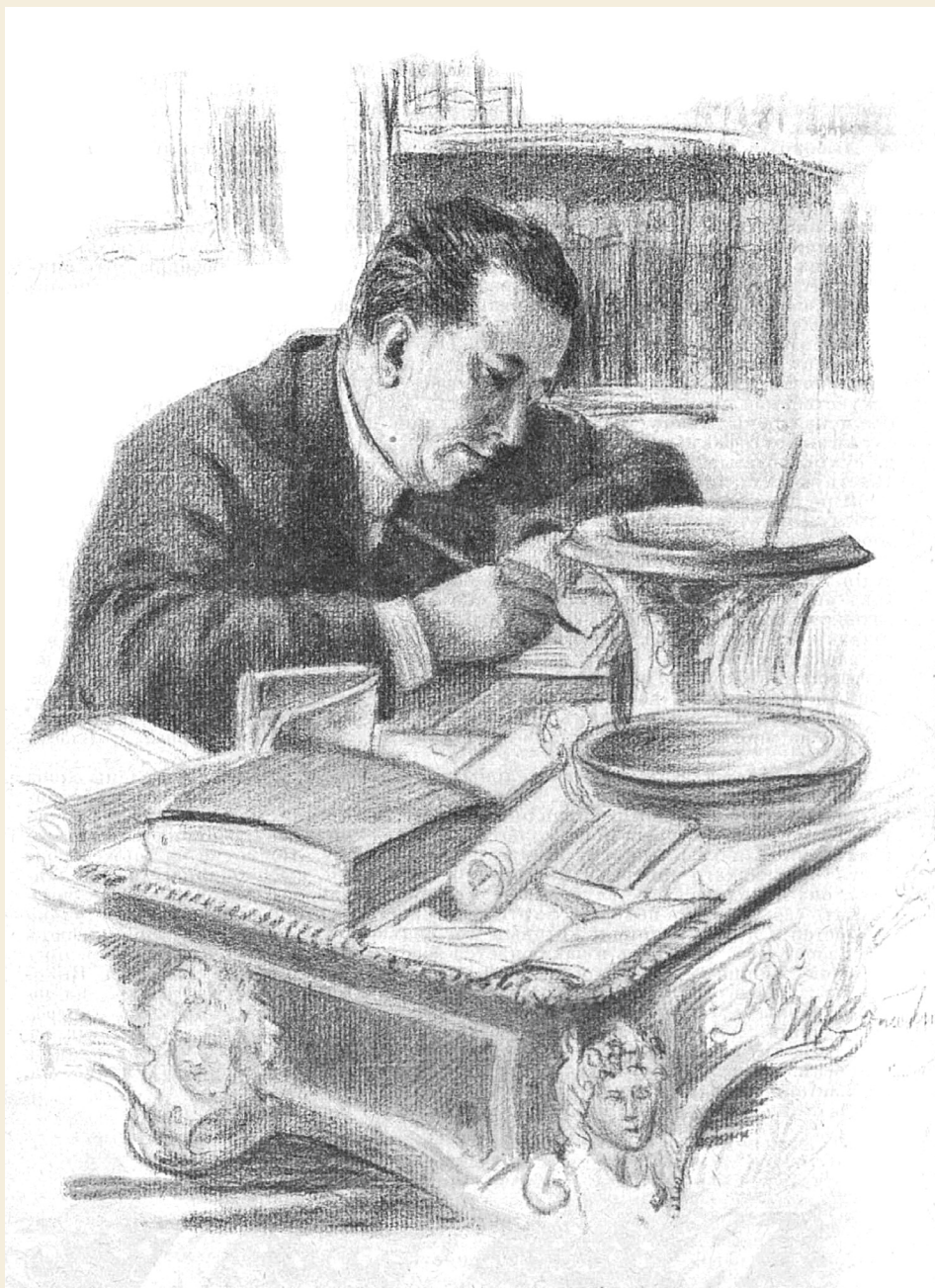
Не менее значимы отклики на смерть Беляева, опубликованные в других изданиях, не столь дружественных суворинским или совершенно противоположных им по общественно-политическим взглядам. Эти некрологи тоже нельзя назвать беспристрастными, но содержащиеся в них характеристики Беляева выглядят более «сбалансированными». Отмечаются его и положительные, и отрицательные качества, и дается представление о нем как об очень талантливом, но крайне неоднозначном деятеле театра и литературы.

Думается, что подбор мнений современников позволит показать фигуру критика и драматурга многомерной. На стыке высказываний о Беляеве, предельно кратких и очень пространных, нередко противоречивых, формируется его визуальный и психологический образ, открываются грани его личности; создается портрет на фоне эпохи. Многие имена оставивших отклик о литераторе хорошо известны — это писатели, журналисты, представители театрального сообщества: В. В. Розанов, А. Белый, Г. В. Иванов, Н. А. Тэффи, А. В. Амфитеатров, М. О. Меньшиков, П. П. Пильский, А. А. Плещеев, А. Р. Кугель, В. А. Теляковский. Другие авторы почти забыты или известны лишь узкому кругу специалистов.

Карьеру театрального рецензента Беляев начал рано, едва ли не гимназистом. Его первые публикации появились в середине 1890-х гг. — сначала в журналах «Живописное обозрение» и «Север», затем в газете «Россия» и журнале «Театр и искусство», которым руководил А. Р. Кугель. Сохранились впечатления редактора о молодом критике: «Я не помню сейчас, откуда и как появился в редакции сухенький, очень высокий, остроносый и быстроглазый юноша» [Кугель 1926, с. 31]. В памяти других современников, знавших Беляева в ту пору, он тоже остался «безусым юношей, длинным и тонким, напоминавшим студента из английского колледжа» [Носков, с. 3]. В его внешности присутствовало некоторое сходство с Пушкиным, которым он «мило и немножко смешно гордился» [Лернер, с. 21]. Скорее всего, именно поэтому в ранние годы критик носил бакенбарды, что выглядело несколько

1. Ю. Д. Беляев. 1899. Рис. Н. И. Кравченко.
Петербургский дневник театрала. 1904. № 2. С. 3

2. Ю. Д. Беляев. Рис. И. И. Котельникова.
Журнал театра Литературно-художественного общества. 1907–1908. № 5. С. 112

3. Ю. Д. Беляев. Шарж Ре-Ми (Н. В. Ремизова).
Сатирикон. 1911. № 49. С. 5

4. Ю. Д. Беляев. Шарж Юнкера Шмидта (П. Н. Троянского).
Столица и усадьба. 1914. № 6

старомодно, но так, вероятно, он больше походил на любимого поэта. В конце 1890-х гг. Беляева среди его коллег-журналистов можно было легко отыскать по описанию: «Знаете, вот этот „Пушкин“... молодой человек с бачками» [Плещеев 1917b, с. 13] (см. *цв. вкл., ил. 1*).

В 1899 г. его заметил, оценил и пригласил на должность театрального обозревателя знаменитый журналист и издатель газеты «Новое время»: «Под ласковым вниманием А. С. Суворина расцвел и укрепился талант Беляева. (...) Суворин давал этому дарованию самое важное — простор для работы и широкую терпимость для всех проявлений индивидуальности» [Арабажин, с. 7].

В скором времени молодой рецензент стал заведовать театральным отделом суворинской газеты и вошел в число сотрудников, имена которых были у всех на слуху. В автобиографическом романе Е. А. Шабельской «Векселя антрепренерши» подробно описано бенефисное представление 1902 г., где присутствовали ведущие театральные репортеры столицы. Среди них портрет «влиятельного критика „Нового времени“» Беляева, похожего «не то на актера, не то на католического проповедника, с рассеянным, всегда скучающим видом» [Шабельская, с. 20]. О встречах с коллегой в Александринском театре вспоминал и К. И. Арабажин: «...он сидел сзади меня, в третьем ряду, и, оглядываясь назад, я всегда видел его в одной и той же позе: голова склонена несколько набок, глаза полузакрыты чуть припухшими веками; бледно-матовое лицо такое усталое, почти сонное, но ухо не дремлет, — насторожилось и ловит то, что говорилось на сцене» [Арабажин, с. 7].

Сохранилось достаточное количество живописных и фотографических портретов Беляева. На них запечатлен человек, который с большим вниманием относится к своему внешнему виду: он со вкусом одет, тщательно выбирает позу для картины или снимка. Одежда и детали его облика — накрахмаленные рубашки, элегантные костюмы, перстни на холеных пальцах — выдают в нем ценителя изящного: «Был он в жизни большой эстет, поклонник всего прекрасного, любитель чистого искусства, и никогда нигде не смешивался с толпой» [Запятая, с. 3].

Порой чрезмерное увлечение собственной внешностью приводило к неожиданным и даже комичным эпизодам. Описание одного из них приведено в дневнике М. С. Сухотина, зятя Л. Н. Толстого. К «яснополянскому старцу» Беляев в качестве корреспондента от «Нового времени» приезжал дважды — в 1903 и 1906 гг. Сухотин наблюдал журналиста целый день и был неприятно удивлен не столько его самоуверенностью, сколько тем, что он злоупотребляет парфюмерией: «Только что он приехал, он даже на свежем воздухе испустил из себя такое благовоние, что Л. Н. (Толстой. — Е. К.) стал поводить носом и все спрашивал, „откуда это так духами запахло“, на что Беляев с апломбом

отвечал: „Только не от меня, я не душусь, может быть, от цветущей липы“» [Сухотин, с. 184–185].

Возможно, столь экспрессивное поведение было свойственно критику в определенных ситуациях, например тогда, когда он оказывался в непривычной для себя обстановке. В отзывах тех, кто хорошо знал Беляева, чаще встречается другой образ. Публицист П. М. Пильский отмечал сходство внешнего облика и авторского стиля театрального рецензента: «У Юрия Беляева был бархатный голос, и бархатные манеры, и бархатные волосы, и мягкие, тоже бархатные, руки. И весь его стиль, и манера писать, и приемы хвалы, и выражения восторгов были тоже смягченные, какие-то *пушистые*, чуть-чуть щекочущие — бархатные» [Пильский, с. 156]. В своих статьях «Беляев умел иронизировать, где нужно, посмеяться, съязвить; не заботясь или мало заботясь о существовании дела, позабавить или заинтересовать, красиво расцветить иную ветошь, а еще... и это было уже его собственное, беляевское — дать превосходный опыт порою холодноватой, но прозрачной и стилистически совершенной, лирики» [Кугель 1917b, с. 4].

Было трудно не заметить живой и острый ум рецензента, его ироничность, узнаваемую манеру письма: «Юрий Беляев был тонкий знаток театра, великий прозорливец сцены, мастер слога и стиля...» [Маркиз Поза, с. 5]. Он отличался наблюдательностью, умением подобрать точные слова: «...образных, метких выражений у Беляева были всегда десятки в запасе, он ими сыпал не жалея...» [Крымов 1917, с. 13]; «...меткие эпитеты, ошарашивающие своею неожиданностью сопоставления (...) вызывали общую усмешку» [Гуревич, с. 2]; «Беляеву особенно удавались портреты артистов. Он их нарисовал много. Внешне они были чрезвычайно похожи и написаны с большой меткостью...» [Кугель 1917b, с. 4].

В самом начале своей карьеры театрального журналиста Беляев написал два критико-биографических этюда об очень разных, но невероятно ярких и любимых зрителем актрисах рубежа XIX–XX вв. — Л. Б. Яворской [Беляев 1900] и В. Ф. Комиссаржевской [Беляев 1899]. Изданные отдельными иллюстрированными брошюрами в серии «Наши артистки», они вскоре приобрели большую популярность. Яворская, ставшая известной благодаря ролям в спектаклях по пьесам драматурга-неоромантика Э. Ростана, привлекала Беляева своей оригинальной аффектированной манерой исполнения. В творчестве Комиссаржевской он одним из первых уловил умение представить психологическую сторону своих героинь не шаблонно, а за счет прирожденной чуткости и «игры светотени». С восхищением и любовью критик писал о выдающихся деятелях русского и зарубежного театра, как драматического, так и музыкального: о М. Г. Савиной, М. Н. Ермоловой, В. Н. Давыдове, К. Н. Варла-

мове, М. В. Дальском, Э. Дузе, С. Бернар, Т. Сальвини, Ф. И. Шаляпине, Л. В. Собинове, А. П. Павловой, А. Дункан и др.

Нередко можно было заметить, что отрицательные отзывы Беляев пишет талантливее и ярче, чем одобрительные: «...ему нужно было перо, на кончике которого гнездились острые словца <...> убийственные резкости, полные юмора, характеристики, шаржи, карикатуры» [Арабажин, с. 7]. Подчас насмешка была слишком ядовитой, но она оставалась столь «сверкающей и образной, что даже те, против кого она была направлена <...> не могли уже больше сердиться; все прощалось ради <...> живого, искрометного и бесспорного таланта, признававшегося даже людьми противоположных лагерей» [Старк, с. 11].

Не самые лестные, хотя и, возможно, слишком пристрастные отзывы о Беляеве сохранились в воспоминаниях Вл. А. Рышкова, одного из основателей Пушкинского Дома. В них он предстает как человек сомнительных моральных качеств, как журналист, торгующий своим талантом, прихотливо меняющий мнения об актерах и других деятелях театра: «И он так погряз в этой продаже, что доходил в ней до цинизма, цель у него оправдывала всякие средства» [Рышков, с. 372]. Сходные оценки можно встретить и в других мемуарах: «...внутри его жил циник. И Беляев был именно циничен в неразборчивости и случайности своих суждений, своих отношений к людям, даже неблагодарный в воспоминаниях и не всегда осторожный в оценках даже тех, кому он мог быть признателен» [Пильский, с. 165].

Подобное непостоянство в оценках и мнениях было свойственно Беляеву на протяжении всей его жизни. «Легкость в мыслях необыкновенная» была как частью его натуры, так и отличительной чертой его оригинального стиля. «В этом уменье быть приятным, писать приятно и приятно себе противоречить был секрет беляевского дарования и беляевского очарования» [Пильский, с. 168]. Собратья по перу высоко ценили способность рецензента уловить и вербально воспроизвести впечатление от увиденного в театре, называя его «чистейшим критиком-импрессионистом» [Старк, с. 11]. Считалось, что «анализ не был сильной стороной критических опытов Беляева. Он чувствовал красоту и форму, как художник, а не как энтузиаст» [Кугель 1917b, с. 4]. Этот способ изложения мыслей, лишенный чрезмерного теоретизирования, мог вызывать восхищение, но мог и свидетельствовать об отсутствии определенных художественных рамок: «На столе этого театрального судьи не хватало свода собственных эстетических законов, и он судил и рядил, руководствуясь неизменно одним своим настроением» [Пильский, с. 157]; «В критике его не было ясных обоснований и вех какой-либо системы» [Носков, с. 3], и он «остался лишь ярким фельетонистом <...> без определенного направления <...> без определенно выраженных вкусов» [Гуревич, с. 2].

Неодобрение современников вызывала не только «размытость» театрально-эстетических взглядов Беляева, но и уровень его образования — он не окончил даже полный гимназический курс. Особенно это обстоятельство раздражало директора императорских театров В. А. Теляковского, пристально следившего за освещением спектаклей в прессе и считавшего критика-новременца своим врагом. В воспоминаниях он высказывался более сдержанно: «Ю. Беляев был человек малообразованный, но неглупый, весьма способный...» [Теляковский 1965, с. 183], — но дневники сохранили более хлесткие выражения: «Беляев (...) имеет нахальство необразованного человека...» [Теляковский 2006, с. 222]; «Юрий Беляев, окончив 3 класса гимназии, все-таки, несмотря на желание излить всю желчь на постановку „Ипполита“, оказывается довольно слабым критиком» [Там же, с. 323]; «Статья (...) написана знаменитым философом „Нового времени“, не кончившим 4-х классов гимназии корреспондентом Юрием Беляевым» [Там же, с. 386].

Справедливости ради стоит отметить, что, как свидетельствует аттестат петербургской Ларинской гимназии из личного архива Беляева в Пушкинском Доме¹, он окончил пять классов этого учебного заведения, что на сегодняшний день приблизительно соответствует уровню неполного среднего образования. Бросить учебу ему пришлось во многом из-за болезни отца и возникшей необходимости материально поддерживать семью. Работа в газете «Новое время» позволяла решить этот вопрос.

О суммах, которые выдавались Беляеву в годы его профессионального расцвета, ходили легенды. В свое время критик начинал с жалованья, составлявшего всего 15 копеек за строку [Плещеев 1927b, с. 2]. Впоследствии он стал одним из самых высокооплачиваемых сотрудников ведущих российских газет наряду с М. О. Меньшиковым, А. А. Пиленко, В. М. Дорошевичем и др. — их заработок варьировался от 20 до 40 тыс. рублей в год [Погожев, с. 28].

Эпизоды «выпрашивания» Беляевым денег за работу у А. С. Суворина становились общим местом почти анекдотического свойства в воспоминаниях многих современников, хорошо знавших критика. Порой это превращалось в настоящий спектакль: Беляев приходил к издателю, когда тот был в благодушном настроении, бойко рассказывал городские сплетни и, напевая какую-нибудь популярную песенку, протягивал записку. Суворин с возмущением напоминал сотруднику об авансах, набранных им на большую сумму. «Никаких авансов, Алексей Сергеевич, я никогда не брал, это я беру в счет жалованья за будущие годы, ведь я еще молодой, доживу», — заверял его Беляев — и тут

¹ РО ИРЛИ. Ф. 24. Ед. хр. 218.

же получал подпись на чеке [Крымов 1971, с. 65]. Такое поведение позволяло современникам высказывать предположение о том, что «прекрасным и занимательным рассказчиком, анекдотистом, каламбуристом и шутником Беляев сделался, ценя и любя вкус старика и его слабость именно к этим приятным и легким, ни к чему не обязывающим сторонам человеческой общительности и кабинетного обихода» [Пильский, с. 158].

Критик действительно обладал замечательным даром рассказчика и пародиста, чему есть масса подтверждений: «...это был интересный собеседник, легкий сосед, человек, владевший тайной *changement*, — он удачно, хоть и поверхностно, острил, шутил без злобы, умело схватывал характерные черточки знакомых и друзей, был занимателен и неистощим часами» [Пильский, с. 164]; «Когда Беляев был в ударе, он электризовал своими остроумными рассказами окружающих...» [Меньшиков, с. 5]; «Поразительный рассказчик, увлекательный, от которого не хотелось уходить, которого все слушали, на которого приглашали, как на тонкое блюдо» [Ксюнин, с. 7]; «Юрий Беляев был редкий рассказчик и изумительный собеседник (<...> он веселил все общество, рассказывая и имитируя всевозможных лиц» [Сосницкий, с. 14].

Нередко в этих сценках ему удавалось воспроизвести эпоху: «Он рассказывал, как бы играя, с мимикой, жестами, перенося своего собеседника именно в ту среду и обстановку, откуда бралась тема повествования» [Глинский, с. 488]. Знаменитый певец Ф. И. Шаляпин, с которым Беляева связывали очень теплые дружеские отношения, писал ему: «Я завидую тебе, что ты вот можешь (<...> мечтами своими улететь в 40-е года, а то и в XVIII век...» [Шаляпин, с. 108].

Беляев действительно любил старину, с увлечением собирал артефакты былых времен, ездил по московским и петербургским помещичьим усадьбам, много времени проводил в библиотеках, читал иностранные книги и газеты, как советовал ему Суворин. Так же, как главный «нововременец» умел оценить в человеке талант, Беляев был способен предвидеть популярность того или иного театрального явления. Это признавали даже те, кто считал его плохим критиком и драматургом, как, например, режиссер В. И. Немирович-Данченко: «...у него была интуиция, и он умел угадать успех. В каком-то смысле он лучше понимал театр, чем московские профессора, писавшие о театре целые тома. Я всегда читал его рецензии. Моветон, пустяки, а вдруг что-то есть...» [Гладков, с. 26]. Это чутье было обусловлено и вовлеченностью Беляева в литературно-театральную жизнь, и его профессиональным опытом, и интересом к искусству минувшего. Его любовь к прошедшим эпохам была созвучна возникшим в конце XIX — начале XX в. актуальным тенденциям в культуре — пассаизму, ретроспективизму, стилизаторству. Они нашли

отражение в творчестве художников объединения «Мир искусства», деятельности журнала «Старые годы», литературных экспериментах В. Брюсова, М. Кузмина, С. Ауслендера и др.

«Милая старина» очаровывала Беляева, когда он был театральным рецензентом, к ней он обратил свой взор и в тот период, когда решил стать драматургом. Критик, как и многие его собратья по перу, был тщеславен. Статус писателя «для сцены» в общественном сознании был выше, чем статус фельетониста даже очень известной газеты.

Действие пьес Беляева разворачивалось, как правило, в России предшествующих эпох. Первая пьеса Беляева, святочная шутка «Путаница, или 1840 год» (1909), переносила зрителей в эпоху старинного водевиля. Молодая героиня, полуфантастический персонаж с именем Путаница, внезапно появлялась на праздничном вечере петербургского чиновника. Она рассказывала присутствующим невероятную историю о том, как ее похитили медведи и как она танцевала для них на заснеженной поляне в лесу. Шаловливая Путаница провоцировала нелепые ситуации, сбивала с толку гостей, ссорила их и мирила. Спектакль, как это принято в классическом водевиле, завершался музыкальным номером в исполнении всех артистов, участвующих в представлении. Пьеса понравилась и рецензентам, и театральной публике — и, вероятно, это вдохновило Беляева на создание новых произведений, действие которых происходило в давно минувшие времена. В следующем произведении для сцены под названием «Красный кабачок» (1910) гвардейские офицеры и придворные актрисы веселились, встречая новый, 1799 год. Внезапно в придорожном трактире возникал дух барона Мюнхгаузена, который веселил подгулявшую компанию занимательными рассказами, воспевал художественный вымысел и исчезал на рассвете.

Еще одной эпохой, заинтересовавшей Беляева-драматурга, стали 60-е годы XIX в. Сюжет пьесы «Дама из Торжка» (1912) был до невозможности прост: молодая красавица-вдова кружила головы провинциальным офицерам, и «вся красота пьесы... была в живых подробностях прошлого, в каких-то засушенных цветах и недомолвках...» [Кугель 1917b, с. 4].

Но самым известным драматургическим текстом Беляева, воплощенным на сцене, оказалась «Псиша» (1911). Главные герои произведения — крепостная девушка Лиза Огонькова, ставшая актрисой императорского театра, и ее возлюбленный Иван Плетень, танцевавший в труппе провинциального помещика, — обретали счастье, пройдя череду невзгод. Спектакль удачным образом сочетал в себе и водевиль, и полную драматизма историю любви молодых талантливых артистов, и картину усадебного быта екатерининского времени. «Псиша» с огромным успехом шла в Москве и Петербурге: она была

поставлена в театре К. Н. Незлобина и выдержала в сезоне 1911/12 гг. более ста представлений. Благодаря столичному триумфу пьеса получила статус «модной» и многократно ставилась в других городах России.

После успеха пьес на «историческую» тему Беляев приобрел репутацию драматурга-стилизатора: «Он лирик нашей старины. У него есть вкус, есть нежность к этим милым старым вещам. С грустной улыбкой говорит он то о милой „Путанице“, то о бессмертном врале бароне Мюнхгаузене, то о трогательной „Псише“, страдальце русского театра» [Ауслендер, с. 65]. Его произведения напоминали театрам «старинные бабушкины миниатюры, с любовью реставрированные...» [Плещеев 1927а, с. 4].

Однако представители либерально-демократического лагеря периодической печати упрекали Беляева за отсутствие в его пьесах глубины, отчетливой идеи, за чрезмерное увлечение красивыми вещами, любование безделушками, бездушное копирование старых форм и жанров. Они считали, что литератор, несмотря на прекрасное чувство сцены и знание исторического быта, в своих пьесах маскировал налетом сентиментальности неумение создавать живых персонажей: «...в них не бьется живой нерв настоящего (<...> художника...» [Гуревич, с. 2]; «...не чувствуется того нерва эпохи, без воскрешения которого можно лишь „живописать“ старину, но не воссоздавать отжившее прошлое с его душой и телом...» [Носков, с. 3]; «...теплота и лиризм старой дворянской жизни заменили историческое правдоподобие и художественную объективность» [Камышников, с. 2].

Беляев был склонен уходить мыслями и мечтами в былое, грезить о давно прошедшем. Многие искренне полагали, что он появился на свет как будто не в свое время. «Беляеву надо было иметь большое состояние, да и жить, пожалуй, не в наши дни, а в году 1840, гуляя на маскараде под руку с Путаницей в прелестной шубке, с горностаевой муфтой», — писал А. Р. Кугель [Кугель 1917а, с. 36]. «Человек наших дней и в то же время как будто человек старинного альбома», — вторил ему журналист и литератор Н. Н. Вильде, вспоминая о Беляеве [Вильде, с. 8].

Отмечалось и его сходство с персонажами русской литературы XIX в.: «...Беляев, — типичный плод дворянского оскудения — внук не то Лаврецкого, не то Райского, — не был рожден для широкой деятельности, для настойчивой творческой энергии» [Амфитеатров, с. 4]; «При его интересном и тонком профиле, статной и высокой фигуре, звучном голосе, он был бы очаровательный Печорин, или герой Марлинского, или что-нибудь в этом роде, — богатый помещик, эстет и театрал» [Кугель 1917а, с. 36]. «Я часто представлял себе Беляева в кругу Пушкина, князя Вяземского, А. Тургенева...» — признавался один из коллег критика по газете «Вечернее время»

[Люций, с. 3]. Нежную и пламенную любовь к Пушкину считала одной из главных черт личности Беляева Н. А. Тэффи, называя его «евангелистом истинной поэзии» [Тэффи, с. 2].

При этом литератор всецело оставался сыном своего века: его влекли минутные страсти, роскошная жизнь, потребность «срывать цветы удовольствия». Доход от работы в газете, а впоследствии от спектаклей вполне позволял Беляеву пополнять его коллекцию живописи и предметов старины и при этом довольно бездумно разбрасываться деньгами. Он жил в дорогих гостиницах, был завсегдатаем и порой должником известных ресторанов — таких как «Франция», «Кюба», «Вена», «Медведь», «Контан». Художественный критик А. Е. Шайкевич, описывая кутеж в питейном заведении «Давыдов», наблюдал в компании А. И. Куприна и других представителей литературно-журналистского мира Юрия Беляева: он, «уже успевший в „Новом времени“ получить аванс, всех задевал, со всеми ссорился, но через мгновение со всеми мирился и целовался» [Шайкевич, с. 11].

«Шампанское стаканами тянул — / Бутылками, и пребольшими / Нет, бочками сороковыми» — эти строки «для будущих поминателей» критик в шутку написал на автопортрете-экспромте, заключив его в траурную рамку [Регинин, с. 5]. Крылатая фраза из комедии А. С. Грибоедова возникает в памяти и при чтении воспоминаний о последних годах жизни Беляева: «Он ежедневно в первом часу приходил в „Hotel de France“, и официант, не спрашивая его, приносил ему большой фужер, выливал в него полбутылки шампанского, и он его залпом выпивал» [Рышков, с. 374].

С этим же напитком историк балета А. А. Плещеев сравнивал дарование автора «Псиши»: «Отпечаток художественного таланта, капризного, искрящегося, как шампанское, то придиричivoго к мелочам, то неожиданно вспыхивающего ярким светом импрессионизма, лежал на всем творчестве Беляева» [Плещеев 1917а, с. 202]. Успех на театральном поприще — временами вполне заслуженный, временами дешевый — тешил тщеславие литератора, и далеко не всегда это шло ему на пользу. Кокетство, каприз, избалованность проявлялись в его деятельности все отчетливей: «Юр. Беляев давно усвоил себе фатовской тон избалованного и капризного жен-премьера, этакого душки-тенора, любимца здешней публики. И как ярко и грустно отражается эта манера на всем, что он пишет» [Василевский, с. 3]; «...его литературному и художественному росту мешала привычка всегда кокетничать и рисоваться. (...) В статьях своих Беляев кокетничал фразой, щегольским парадоксом, острым словом...» [Кугель 1926, с. 33–34].

«Кокетство» Беляева проявлялось и в рецензиях, и в его суждениях о современной литературе. Любопытный пример такой «позы», показного

неприятия нового приводил в своих мемуарах А. М. Ренников. Однажды в редакции «Нового времени» зашел разговор о творчестве Ф. Сологуба, и один из сотрудников спросил: «Юрочка, а какого ты мнения о Передонове?» Выяснилось, что Беляев не только не читал широко обсуждаемые романы — «Мелкий бес» Сологуба и «Юлиан Отступник» Мережковского, — но даже бравировал своим незнанием: «А к чему мне читать, когда я сам пишу?» [Ренников, с. 194].

Интересно, что имя критика часто использовалось в подобной уменьшительной форме — Юрочка, — и в ней выражалось отношение современников к Беляеву. Оно могло быть дружеским — такое обращение нередко использовали журналисты и литераторы, с которыми он приятельствовал. Даже в пору профессиональной зрелости его «почему-то называли Юрочка Беляев. Хотя было ему сорок лет, и числились за ним и романы, и комедии ⟨...⟩ и многие другие „брызги пера“, острого и неизменно талантливое» [Дон-Аминадо, с. 101]. «Говорят, что было время, когда Юрочка Беляев был едва ли не самым популярным человеком в Петрограде. ⟨...⟩ помимо огромной талантливости, которой он весь дышал, он был исключительно симпатичен и магнитно-общителен ⟨...⟩ Его всюду любили ⟨...⟩ Настолько, что ⟨...⟩ даже в кругах, безусловно враждебных „Новому времени“, Юрочка был встречаем дружески, как свой ⟨...⟩ служил как бы мостом между „Новым временем“ и остальной журналистикой», — вспоминал А. В. Амфитеатров [Амфитеатров, с. 4].

Но не менее часто оценка становилась пренебрежительной, даже презрительной: «Вчера была статья в „Новом времени“ по поводу балета „Армида“. Юрочка Беляев между прочим издевался над Дирекцией» [Теляковский 2011, с. 326]; «Я читал довольно пакостные, достойные душонки Юрочки Беляева отзывы о Моск(овском) театре в „Нов(ом) времени“» [Нестеров, с. 190]; «Вл. Крымов, издававший „Столицу и усадьбу“, не мог пожаловаться на неуспех. ⟨...⟩ Петербургские псевдоэстеты были в восторге от ее внешности ⟨...⟩ и столь же „роскошного“ содержания, где разные „Юрочки“ Беляевы, Агнивцевы и сам „редактор-издатель“, нововременец второго разряда, изощрялись в одеколонно-парикмахерском снобизме» [Иванов, с. 461].

Имя Беляева в одной из своих статей В. В. Розанов называл для того, чтобы проиллюстрировать феномен «Нового времени» в эпоху редакторства А. С. Суворина. Сочетание важного и малозначительного, серьезного и забавного приносило газете «всероссийский» читательский успех, делало ее «первою по величине, живости и подписке»: на ее страницах одновременно «шутил об актрисах» Беляев и полыхал скандал в рубрике «Письмо в редакцию». По мнению Розанова, если бы Суворин «был суров, как Катков, он был бы побежден (не читают). Если бы он был односторонен и однотонен, как

Аксаков, — опять был бы побежден (читают только „свои“). Но помог „Юрий Беляев“... Помогла актриса... Помогло „всё“» [Розанов, с. 285].

Известно, что Беляев посещал знаменитые «воскресенья» Розанова — об этом вспоминал А. Белый, с явным неудовольствием замечавший фигуру критика рядом с Бердяевым и Мережковским: «...тут же, — вовсе некстати из „Нового времени“: Юрий Беляев» [Белый, с. 478].

Именно в неоднозначном влиянии этой газеты многие были склонны видеть основную причину нравственного и профессионального падения Беляева. Репутация издания «Новое время» в прогрессивно настроенных кругах общества была исключительно дурной. Журналисту часто ставили в вину зависимость от идеологического направления газет, в которых он служил, — и по этой причине не сумел избежать «печальной участи суворинских наемников, теряющих в разлагающей атмосфере нововременского приспособления последние остатки культурного достоинства и духовной независимости» [Соколовский, с. 4]. Часто в откликах встречается мнение о том, что если бы Беляев публиковал свои статьи в другом издании, его карьера рецензента сложилась бы иначе: «Но за спиною г. Беляева стоит нечто, в виде призрака „Нового времени“. (...) Если бы ему позволили писать в другом, более независимом, более чистоплотном органе, из него, пожалуй, мог бы выйти хотя не глубокий, но интересный театральный критик, восторженный и бескорыстный друг театра. Но в других органах печати ему нет места» [Воровский, с. 13]; «...единственным крупным дефектом его литературной деятельности явилось его участие в „Новом времени“. Если бы Беляев работал в какой-нибудь прогрессивной газете, его авторитет был бы значительно крупнее» [Камышников, с. 2]; «Этот одаренный человек, в иной обстановке способный вырасти в заметную литературную величину, на столбцах „Нов. времени“ постепенно деградировал...» [Соколовский, с. 4].

Беляев, начавший свой путь в театрально-издательской сфере совсем молодым человеком, быстро «перегорел»: «Все, — и его манера жить, и его отзывы, и его тон беседы, и его недовольные губы, и его редко заживавшиеся глаза, — все говорило о какой-то неизлечимой его *скуке*, о том, что ему все на свете успело надоест, пригляделось, примелькалось, приелось...» [Пильский, с. 164]. Стройный, изящный юноша, изображенный на портретах конца 1890-х — начала 1900-х гг., выглядел расплывшим и обрюзгшим на снимках, сделанных незадолго до его ухода из жизни.

Во многих воспоминаниях можно встретить утверждение о том, что Беляев «преждевременно остыл к настоящему и смотрел назад» [Кугель 1917а, с. 36]. Пожалуй, лишь обращение к прошлому вдохновляло его и делало счастливым в пору угасания. Предметом его «нежной гордости» до конца

жизни оставалась коллекция антикварных вещей — книг, икон, живописи, скульптуры. Подчеркивалось, что это увлечение было таким же искренним, как и его любовь к театру. Когда Беляев демонстрировал гостям предметы из своего собрания и рассказывал о них, он преображался — с лица сходила усталость, он «радовался возможности похвастаться тем, что и у него есть истинная, неподкрашенная, ему целиком принадлежащая и волнующая его страсть к искусству и старинной красоте» [Арабажин, с. 8].

При этом нечуткость критика к остросовременным явлениям культуры могла быть лишь показной, его пристрастия зачастую менялись с течением времени. Так, например, В. Э. Мейерхольда он много ругал в своих статьях, а потом стал с ним сотрудничать — режиссер ставил его пьесу «Красный кабачок» на Александринской сцене. Увлеченный в молодые годы талантом В. Ф. Комиссаржевской, Беляев довольно критически относился к периоду творческих исканий в созданном ею театре, но почти не пропускал его премьеры. То же относится к его рецензентским впечатлениям от спектаклей по пьесам тех авторов, которые сегодня стали классиками литературы модернизма: оценки варьировались от возмущения до восхищения. «Балаганчик» А. А. Блока он не принял, сделав, однако, несколько тонких наблюдений относительно постановки; «Бесовское действие» А. М. Ремизова называл упадническим. Спектакли «Победа смерти» и «Заложники жизни» по пьесам Ф. Сологуба были, напротив, встречены им вполне благожелательно.

Противоречивая оценка личности Беляева, содержащаяся в подписи к карикатуре Ре-Ми, во многом отражает мнение современников о нем. Характеристики, которые дают ему и его творчеству деятели литературы и театра, зачастую находятся как будто на разных полюсах. В них он предстает то эстетом, тонко чувствующей личностью, ценителем изящного, поклонником высокого искусства, то холодным циником, прожигателем жизни, человеком низких моральных качеств; то талантливым критиком и драматургом, то поверхностным и пристрастным автором, пишущим исключительно ради гонораров. В одном из некрологов было высказано соображение о том, что важно собрать и опубликовать все написанное о Беляеве. События 1917 г., последовавшие вскоре, не позволили это осуществить. Возможно, проделанная работа, представляющая своего рода «срез общественного мнения» о Беляеве, станет частью этого замысла.

Литература

- Амфитеатров — *Амфитеатров А. В.* Памяти Ю. Д. Беляева // Русская воля. 1917. № 5, 6 янв. С. 4.
- Арабажин — *Арабажин К. И.* Ю. Д. Беляев // Искусство. 1917. № 1–2. С. 7–8.
- Ауслендер — *Ауслендер С. А.* Театры // Аполлон. 1913. № 2. С. 65–67.

- Белый — *Белый А.* Начало века. Воспоминания. М.: Худож. лит., 1990. Кн. 2. 687 с.
- Беляев 1899 — *Беляев Ю. Д.* В. Ф. Комиссаржевская: Критич. этюд. СПб.: Т-во печ. и изд. дела «Труд», 1899. 22 с. (Наши артистки).
- Беляев 1900 — *Беляев Ю. Д.* Л. Б. Яворская: Критико-биогр. этюд. СПб.: Т-во печ. и изд. дела «Труд», 1900. 27 с. (Наши артистки).
- Василевский — [*Василевский И. М.*] Любимец здешней публики // Журнал журналов. 1916. № 28. С. 3–4 (подп.: Л. Фортунатов)
- Вильде — *Вильде Н. Н.* Друг теней // Рампа и жизнь. 1917. № 3. С. 8–9.
- Воровский — [*Воровский В. В.*] Театральное обозрение // Зритель. 1905. № 5. С. 13 (подп.: Анахорет).
- Гладков — *Гладков А. К.* Из дневников и «попутных записей» // Гладков А. К. Театр. Воспоминания и размышления. М.: Искусство, 1980. С. 9–82.
- Глинский — *Глинский Б. Б.* Ю. Д. Беляев: (Некролог) // Исторический вестник. 1917. № 1. С. 471–488.
- Гуревич — *Гуревич Л. Я.* Ю. Д. Беляев // Речь. 1917. № 5, 6 янв. С. 2.
- Дон-Аминадо — *Дон-Аминадо.* Поезд на третьем пути. М.: Книга, 1991. 336 с.
- Запятая — *Запятая.* Маленький фельетон. Мимоходом // Крымский вестник. 1917. № 13, 15 янв. С. 3.
- Иванов — *Иванов Г. В.* Закат над Петербургом // Иванов Г. В. Собр. соч.: В 3 т. М.: Согласие, 1993. Т. 3: Мемуары. Литературная критика. С. 456–470.
- Камышников — [*Камышников Л. М.*] Юрий Беляев // Южная мысль. 1917. № 1788, 8 янв. С. 2. (подп.: Л. К-ов).
- Крымов 1917 — *Крымов В. П.* Воспоминания о Юрии Беляеве // Столица и усадьба. 1917. № 74. 13–14.
- Крымов 1971 — *Крымов В. П.* Портреты необычных людей. Париж: [б. и.], 1971. 298 с.
- Ксюнин — *Ксюнин А. И.* Юрий Беляев // Новое время. 1917. № 14669, 6 янв. С. 7.
- Кугель 1917а — [*Кугель А. Р.*] Заметки // Театр и искусство. 1917. № 2. С. 35–36 (подп.: Ното novus).
- Кугель 1917б — [*Кугель А. Р.*] Ю. Д. Беляев // День. 1917. № 5, 6 янв. С. 4–5 (подп.: Ното novus).
- Кугель 1926 — *Кугель А. Р.* Листья с дерева: Воспоминания. Л.: Время, 1926. 212 с.
- Лернер — [*Лернер Н. О.*] Юрий Беляев и Пушкин // Столица и усадьба. 1917. № 77–78. С. 21 (подп.: Старый пушкинист).
- Люций — *Люций.* Последнее прости // Вечернее время. 1917. № 1715, 8 янв. С. 3.
- Маркиз Поза — *Маркиз Поза.* Памяти Юрия Беляева // Южная копейка. 1917. № 2195, 6 янв. С. 5.
- Меньшиков — *Меньшиков М. О.* Памяти Ю. Д. Беляева // Новое время. 1917. № 14671, 8 янв. С. 5.
- Нестеров — [Письмо М. В. Нестерова А. А. Турыгину от 2 марта 1901 г.] // *Нестеров М. В.* Письма. Избранное. Л.: Искусство, 1988. С. 190.
- Носков — [*Носков Н. Д.*] Памяти почившего // Петроградский листок. 1917. № 5, 6 янв. С. 3 (подп.: Н. Н-в).
- Пильский — *Пильский П. М.* Роман с театром. Рига: Книгоизд-во «Общедоступная б-ка» Б. Шерешевского, 1929. 210 с.
- Плещеев 1917а — *Плещеев А. А.* Дорогая тень: (Отрывки из воспоминаний о Ю. Д. Беляеве) // Исторический вестник. 1917. № 2. С. 201–209.

- Плещеев 1917b — *Плещеев А. А.* Ключки о Беляеве: (Из воспоминаний) // Новое время. 1917. № 14670, 7 янв. С. 13.
- Плещеев 1927a — *Плещеев А. А.* В драматическом театре: (Ключок из воспоминаний) // Возрождение. 1927. № 723, 26 мая. С. 4.
- Плещеев 1927b — *Плещеев А. А.* Юрий Беляев: Десятилетие его смерти // Возрождение. 1927. № 593, 16 янв. С. 2.
- Погожев — *Погожев А. П.* Записки метранпажа // Свобода (Мюнхен). 1959. № 10. С. 27–29.
- Регинин — *Регинин В. А.* Спектакль памяти Беляева // Биржевые ведомости. 1917. № 11619, 24 февр. С. 5.
- Ренников — *Ренников А. М.* Было всё, будет всё: Мемуарные и нравственно-философские произведения. СПб.: Алетейя, 2020. 732 с.
- Розанов — *Розанов В. В.* Из припоминаний и мыслей об А. С. Суворине // Розанов В. В. Собр. соч. М.: Республика; Алгоритм, 2006. Т. 22: Признаки времени. С. 259–290.
- Рышков — *Рышков Вл. А.* Воспоминания незаметного человека / Публ. Н. А. Прозоровой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2003–2004 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С. 245–438.
- Сатирикон — Сатирикон. 1911. № 49.
- Соколовский — [*Соколовский И. Л.*] Дневник журналиста // Одесские новости. 1917. № 10298, 8 янв. С. 4 (подп.: Седой).
- Сосницкий — *Сосницкий Ю. О.* Памяти Ю. Д. Беляева // Новое время. 1917. № 14670, 7 янв. С. 14.
- Старк — *Старк Э. А.* Памяти Ю. Д. Беляева // Обзорение театров. 1917. № 3330–3331, 9 янв. С. 11–12.
- Сухотин — *Сухотин М. С.* Из дневника / Публ. Л. Н. Кузиной // Лев Толстой. М.: Изд-во АН СССР, 1961. Кн. 2. С. 148–224. (Лит. наследство; Т. 69).
- Теляковский 1965 — *Теляковский В. А.* Воспоминания. Л.; М.: Искусство, 1965. 481 с.
- Теляковский 2006 — *Теляковский В. А.* Дневники директора Императорских театров, 1903–1906. М.: Артист. Режиссер. Театр, 2006. 746 с.
- Теляковский 2011 — *Теляковский В. А.* Дневники директора Императорских театров, 1906–1909. М.: Артист. Режиссер. Театр, 2011. 924 с.
- Тэффи — *Тэффи Н. А.* Евангелисту поэзии // Русское слово. 1917. № 15, 19 янв. С. 2.
- Шабельская — *Шабельская Е. А.* Векселя антрепренерши: Роман-хроника. СПб.: Тип. В. А. Тиханова, 1907. VI, 154 с.
- Шайкевич — *Шайкевич А. Е.* Из книги воспоминаний «Мост вздохов через Неву» / Публ. и послесл. С. Шумихина // Новое литературное обозрение. 1995. № 14. С. 5–20.
- Шаляпин — Отмечая 120-летие со дня рождения Ф. И. Шаляпина. Письма Ю. Д. Беляеву / Публ. и примеч. С. Ковалевой // Музыкальная академия. 1993. Вып. 3. С. 106–108.

References

- Amfiteatrov, A. V. (1917). 'Pamyati Yu. D. Belyaeva', *Russkaya volya* (Petrograd), 5, Jan. 6, 4.
- Arabazhin, K. I. (1917). 'Yu. D. Belyaev', *Iskusstvo* (Petrograd), 1–2, 7–8.
- Auslender, S. A. (1913). 'Teatry', *Apollon* (Saint Petersburg), 2, 65–67.

- Belyaev, Yu. D. (1899). *V. F. Komissarzhevskaya: Kriticheskii etyud*. Saint Petersburg: Tovarishchestvo pechatnogo i izdatel'skogo dela «Trud», 22 p.
- Belyaev, Yu. D. (1900). *L. B. Yavorskaya: Kritiko-biograficheskii etyud*. Saint Petersburg: Tovarishchestvo pechatnogo i izdatel'skogo dela «Trud», 27 p.
- Belyi, A. (1990). *Nachalo veka. Vospominaniya*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. Vol. 2, 687 p.
- Don-Aminado (1991). *Poezd na tret'em puti*. Moscow: Kniga, 336 p.
- Gladkov, A. K. (1980). 'Iz dnevnikov i «poputnykh zapisei»', in: Gladkov A. K. *Teatr. Vospominaniya i razmyshleniya*. Moscow: Iskusstvo, 9–82.
- Glinskii, B. B. (1917). 'Yu. D. Belyaev. (Nekrolog)', *Istoricheskii vestnik* (Saint Petersburg), 1, 471–488.
- Gurevich, L. Ya. (1917). 'Yu. D. Belyaev', *Rech'* (Saint Petersburg), 5, Jan. 6, 2.
- Ivanov, G. V. (1993). 'Zakat nad Peterburgom', in: Ivanov G. V. *Sobranie sochinenii*. 3 vols. Moscow: Soglasie. Vol. 3, 456–470.
- [Kamyshnikov, L. M.] (1917). 'Yurii Belyaev', *Yuzhnaya mysl'* (Odessa), 1788, Jan. 8, 2.
- Kovaleva, S., ed. (1993). 'Otmehchaya 120-letie so dnya rozhdeniya Shalyapina. Pis'ma Yu. D. Belyaevu', *Muzykal'naya akademiya* (Moscow), 3, 106–108.
- Krymov, V. P. (1917). 'Vospominaniya o Yurii Belyaevе', *Stolitsa i usad'ba* (Saint Petersburg), 74, 13–14.
- Krymov, V. P. (1971). *Portrety neobychnykh lyudei*. Paris: [s. n.], 298 p.
- Ksyunin, A. I. (1917). 'Yurii Belyaev', *Novoe vremya* (Saint Petersburg), 14669, Jan. 6, 7.
- [Kugel', A. R.] (1917). 'Yu. D. Belyaev', *Den'* (Saint Petersburg), 5, Jan. 6, 4–5.
- [Kugel', A. R.] (1917). 'Zametki', *Teatr i iskusstvo* (Saint Petersburg), 2, 35–36.
- Kugel', A. R. (1926). *List'ya s dereva: Vospominaniya*. Leningrad: Vremya, 212 p.
- Kuzina, L. N., ed. (1961). Sukhotin, M. S. 'Iz dnevnika', in: *Lev Tolstoi* (Literaturnoe nasledstvo; T. 69). Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. Vol. 2, 148–224.
- [Lerner, N. O.] (1917). 'Yurii Belyaev i Pushkin', *Stolitsa i usad'ba* (Saint Petersburg), 77–78, 21.
- Lyutsii. (1917). 'Poslednee prosti', *Veчерnee vremya* (Saint Petersburg), 1715, Jan. 8, 3.
- Markiz Poza. (1917). 'Pamyati Yurii Belyaeva', *Yuzhnaya kopeika* (Kiev), 2195, Jan. 6, 5.
- Men'shikov, M. O. (1917). 'Pamyati Yu. D. Belyaeva', *Novoe vremya* (Saint Petersburg), 14671, Jan. 8, 5.
- Nesterov, M. V. (1988). [Pis'mo M. V. Nesterova A. A. Turyginu ot 2 marta 1901 goda], in: Nesterov M. V. *Pis'ma. Izbrannoe*. Leningrad: Iskusstvo, 190.
- [Noskov, N. D.] (1917). 'Pamyati pochivshego', *Petrogradskii listok*, 5, Jan. 6, 3.
- Pil'skii, P. M. (1929). *Roman s teatrom*. Riga: Knigoizdatel'stvo «Obshchedostupnaya biblioteka» B. Shereshevskogo, 210 p.
- Pleshcheev, A. A. (1917). 'Dorogaya ten'. (Otryvki iz vospominanii o Yu. D. Belyaevе)', *Istoricheskii vestnik* (Saint Petersburg), 2, 201–209.
- Pleshcheev, A. A. (1917). 'Klochki o Belyaevе. (Iz vospominanii)', *Novoe vremya* (Saint Petersburg), 14670, Jan. 7, 13.
- Pleshcheev, A. A. (1927). 'V dramaticheskom teatre. (Klochok iz vospominanii)', *Vozrozhdenie* (Paris), 723, May 26, 4.
- Pleshcheev, A. A. (1927). 'Yurii Belyaev. Desyatiletie ego smerti', *Vozrozhdenie* (Paris), 593, Jan. 16, 2.
- Pogozhev, A. P. (1959). 'Zapiski metranpazha', *Svoboda* (München), 10, 27–29.

- Prozorova N. A., ed. (2007). Ryshkov, V. A. 'Vospominaniya nezametnogo cheloveka', in: *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2003–2004 god.* Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin, 245–438.
- Reginin, V. A. (1917). 'Spektakl' pamyati Belyaeva', *Birzhevye vedomosti* (Saint Petersburg), 11619, Feb. 24, 5.
- Rennikov, A. M. (2020). *Bylo vse, budet vse. Memuarnye i npravstvenno-filosofskie proizvedeniya.* Saint Petersburg: Aleteiya, 732 p.
- Rozanov, V. V. (2006). Iz pripominanii i myslei ob A. S. Suvorine, in: Rozanov V. V. *Sobranie sochinenii.* Moscow: Respublika; Algoritm, 2006. Vol. 22, 259–290.
- Satirikon* (1911), 49.
- Shabel'skaya, E. A. (1907). *Vekselya antreprenershi: Roman-khronika.* Saint Petersburg: Tipografiya V. A. Tikhanova, VI, 154 p.
- Shumikhin, S. V., ed. (1995). 'Iz knigi vospominanii «Most vzdokhov cherez Nevu»', *Novoe literaturnoe obozrenie* (Moscow), 14, 5–20.
- [Sokolovskii, I. L.] (1917). 'Dnevnik zhurnalista', *Odesskie novosti*, 10298, Jan. 8, 4.
- Sosnitskii, Yu. O. (1917). 'Pamyati Yu. D. Belyaeva', *Novoe vremya* (Saint Petersburg), Jan. 7, 14.
- Stark E. A. (1917). 'Pamyati Yu. D. Belyaeva', *Obozrenie teatrov* (Saint Petersburg), 3330–3331, Jan. 9, 11–12.
- Teffi, N. A. (1917). 'Evangelistu poezii', *Russkoe slovo* (Moscow), 15, Jan. 19, 2.
- Telyakovskii, V. A. (1965). *Vospominaniya.* Leningrad; Moscow: Iskusstvo, 481 p.
- Telyakovskii, V. A. (2006). *Dnevnik direktora Imperatorskikh teatrov, 1903–1906.* Moscow: Artist. Rezhisser. Teatr, 746 p.
- Telyakovskii, V. A. (2011). *Dnevnik direktora Imperatorskikh teatrov, 1906–1909.* Moscow: Artist. Rezhisser. Teatr, 924 p.
- [Vasilevskii, I. M.] (1916). 'Lyubimets zdeshnei publiki', *Zhurnal zhurnalov* (Petrograd), 28, 3–4.
- Vil'de, N. N. (1917). 'Drug tenei', *Rampa i zhizn'* (Moscow), 3, 8–9.
- [Vorovskii, V. V.] (1905). 'Teatral'noe obozrenie', *Zritel'* (Saint Petersburg), 5, 13.
- Zapyataya. (1917). 'Malen'kii fel'eton. Mimokhodom', *Krymskii vestnik* (Sevastopol'), 13, Jan. 15, 3.